

Отделившийся Злой помысел унаследовал слишком много горьких разлук с родителями. Сердце его затапливала печаль — густая, беспросветная, точно вьевшаяся тушь. И теперь, когда Харе принял его обратно в своё тело, на него обрушилось всё разом: незаживающие раны от некогда срезанной кожи — плата за создание вместилищ для духов веры — и эта выжигающая тоска.

Удар оказался столь яростным и стремительным, что Харе не успел даже опомниться, как его захлестнула лавина чужой боли. Море цветов вокруг сомкнулось над ним; мир стремительно блекнул, теряя краски, пока всё не затянуло мутной серой дымкой.

— Харе...

Закинув голову, он безучастно смотрел перед собой широко распахнутыми, подёрнутыми мутью голубыми глазами. Взгляд оставался пустым до тех пор, пока сквозь пелену не проступил силуэт четырёхрукого исполина. Всегда равнодушное, бесстрастное лицо чудовища сейчас исказила тревога; оно звало его по имени, и этот крик заставил Харе медленно очнуться.

Зрачки сфокусировались, оперевшись в суровое, красивое лицо Сукуны. Харе попытался заговорить, но горло сдавило спазмом, перехватив дыхание. Он лишь судорожно хватал ртом воздух, не в силах сделать ни единого вдоха.

Горло словно сжала невидимая удавка. Мучаясь от удушья, Харе неосознанно вцепился пальцами в ткань на груди демона.

Сукуна склонился ниже, пристально разглядывая его, и нахмурился.

Мальчишка задыхался. Что бы с ним ни произошло, это был приступ гипервентиляции.

— Тихо. Дыши медленнее, — глухо приказал Сукуна.

Придерживая Харе за талию одной рукой, он принялся мягко поглаживать его по спине другой. Одновременно с этим он бесцеремонно обрывал лезущие со всех сторон стебли, освобождая юношу от цепких цветочных оков, и рывком поднял его на руки.

Обрываемые плети исходили пронзительным, скрежещущим визгом, но продолжали слепо карабкаться по ногам Двуликого, тщетно пытаясь впиться в его плоть.

Сукуна, и без того взвинченный состоянием Харе, выглядел чернее тучи. Наглость этих порождённых цветением проклятых духов, посмевших бросить ему вызов, окончательно лишила его остатков терпения.

— Брат, скорее, надо помочь! — Юдзи, сидевший на плече у Тодзи, заёрзал, тщетно пытаясь

соскочить на землю, и отчаянно замахал Тёсо рукой.

Тёсо уже высвободил поток крови, заставив её алым облаком зависнуть в воздухе, готовый обрушить удар на плотоядные плети. Но Тодзи, метнув короткий взгляд на Сукуну, внезапно преградил ему дорогу:

— Стоять. Назад, быстро!

Легендарный Король проклятий дышал такой неприкрытой злобой, что меньше всего походил на того, кому требовалась подмога. Сунься они сейчас туда — и их просто сотрут в порошок за компанию.

Тёсо помедлил лишь мгновение, но звериное чутьё проклятия уже завывало от смертельной опасности.

Он доверился решению Тодзи. Схватив младшего брата свободной рукой, Тёсо вместе с наёмником бросился назад. Зависнувшее в воздухе облако крови тут же сгустилось, встав перед ними плотным багровым щитом.

В ту же секунду среди беснующегося цветочного буйства Сукуна едва заметно шевельнул губами, произнося короткое заклинание. Свободная рука плавно рассекла воздух:

— Откройся!

Из кончиков его пальцев с треском вырвалось яростное оранжевое пламя. Сметая всё на своём пути, стена огня покатила во все стороны.

Опаляющая волна жара, подхваченная поднявшимся вихрем, ударила наотмашь. Даже отступившим магам пришлось сделать ещё несколько шагов назад, чтобы летящие искры не спалили одежду.

Стебли вспыхнули мгновенно. Бордовые бутоны осыпались пеплом, испуская предсмертный стон, похожий на человеческий плач. Неистовый огонь пожирал всё на своём пути, затмевая своим сиянием утреннее солнце.

Сквозь стену бушующего пожара виднелся силуэт розововолосого монстра. Он бережно прижимал к себе хрупкого, бледного юношу. В его опущенных глазах, отражавших свирепые отсветы пламени, читалась несвойственная ему нежность.

— Ну как, легче? — негромко спросил он.

Харе беззвучно приоткрыл рот, но от удушья в глазах уже темнело, а земля уходила из-под ног.

Сознание ускользало.

Солнечный свет пробивался сквозь завесу огня, рассыпаясь по лицу Харе дрожащими золотистыми бликами. Он прикрыл веки, согретый жаром пожара и ровным, тяжёлым стуком сердца Сукуны.

Уплывая в небытие, юноша, словно раненый зверёк, инстинктивно прижался теснее к груди своего защитника.

"Всё позади, Харе... Сегодня отличная погода. Пойдём, я покажу тебе мир людей"

На приморском холме пламя мало-помалу угасало. Но там, куда падали те же лучи утреннего солнца — в Токио, в самом сердце магического сообщества, — разверзлась настоящая буря.

Весть о том, что Главное управление магии подверглось нападению, а верхушка старейшин вырезана под корень вместе с семьями и наследниками, разнеслась среди магов ещё до рассвета.

Поначалу никто не верил, считая это чьим-то глупым розыгрышем, но вскоре по сети разошлись снимки стёртого с лица земли здания Управления. Отрицать очевидное стало бессмысленно.

И тут же поползли грязные слухи. Кое-кто из недоброжелателей поспешил заявить, что за бойней стоит не кто иной, как строптивый божественный наследник клана Годжо. Дескать, Сатору наконец окончательно озлобился на притеснения верхушки и решил проблему одним махом.

Этот слух мгновенно поверг в ужас мелкие кланы и тех магов, что годами творили произвол за спинами старейшин и некогда имели глупость задевать Годжо Сатору. Все они теперь дрожали от страха, ожидая, что следующими под горячую руку попадут именно они.

Клан Годжо среагировал мгновенно, выступив с официальным опровержением: **[Наш будущий глава в указанное время выполнял миссию вместе с одноклассником. Любые попытки очернить имя клана и его наследника повлекут за собой самые суровые ответные меры]**

Только встревоженные маги успели перевести дух, как возник новый вопрос: «Если это не он, то кто способен за считанные секунды истребить столько сильных магов?»

Такая колоссальная разрушительная мощь, такой масштаб бедствия... На что вообще способна подобная тварь?

«Неужели объявился целый синдикат проклинателей?»

Пока обычные маги строили догадки, на теневых форумах всюду стреляли пробки от шампанского. Проклинатели развлекались всюду:

— Эх, кабы мы знали, сами бы поучаствовали! Давно пора было придушить этих старых хрычей с их вечными смертными приговорами. Туда им и дорога, жаль только, плюнуть на их трупы не успели!

— Слушайте, а ведь зачинщик сработал на редкость красиво. Нам в банде такие мясники точно не помешают!

Пока одни пытались выяснить, чья именно группировка решилась на такое безумие, поползли новые, куда более достоверные слухи, в один миг развеявшие все прежние домыслы. Из уст в уста передавали подробности:

Нападавший был один.

Он призвал Рёмэна Сукуну.

И приказал Королю проклятий вырезать всех до единого.

И маги, и проклинатели разом замолчали.

Что за бред?

Один человек?

Который призвал самого Рёмэна Сукуну?

Но даже это меркло перед словом «приказал». Кому?! Тому самому кровожадному тирану из эпохи Хэйан?

Какое дикое, немыслимое сочетание слов!

Новость казалась настолько абсурдной, что никто не знал, верить ей или нет. Однако усомниться не посмел никто — ведь информацию подтвердил единственный выживший свидетель, Яга Масамичи.

Паника накрыла магический мир с головой. Чтобы предотвратить анархию, три великих клана — Годжо, Дзэнъин и Камо — спешно взяли бразды правления в свои руки. Было объявлено о созыве чрезвычайного совета в главной лектории Токийской столичной технической школы магии.

Дело не терпело отлагательств. Масштаб катастрофы заставил явиться даже тех магов, кто обычно держался в тени или работал в одиночку. Зал заседаний был забит до отказа.

Стулья расставили полукругом, разделив присутствующих на два лагеря. Главы кланов Дзэнъин и Камо уже заняли свои места во главе стола. Пустовало лишь кресло клана Годжо, право занять которое сегодня принадлежало его юному наследнику.

Время шло, но Сатору не спешил являться. В зале нарастал недовольный ропот.

Сам же виновник задержки в этот момент преспокойно сидел в подсобке за сценой.

— Он просил передать привет «им». Почему-то мне кажется, что он имел в виду вас двоих, — Яга, заметно осунувшийся и постаревший за одну ночь после пережитого кошмара, устало потёр переносицу. — И добавил, что со всем остальным разберётся сам.

— Сам? И что это значит? — Сатору лениво привалился спиной к стене, приподняв бровь.

Яга покачал головой:

— Без понятия. Сказал — и сразу испарился.

— Вы уверены, что это был именно он? — Сугуру достал телефон и вывел на экран снимок, сохранённый вчера на закрытом форуме.

Внешность парня точь-в-точь совпадала с описанием Кэндзяку. Сатору тоже подтвердил, что именно этого мальчишку он мельком видел в океанариуме.

Яга взял мобильный, взгляделся в экран и нахмурился:

— Хм... Послушайте, лицо то же, но ощущение... ощущение совершенно иное.

Директор попытался восстановить в памяти вчерашний разговор:

— Тот Харе, которого я встретил ночью, подстрижен коротко и не выглядит таким измождённым. И ещё... — Яга уверенно кивнул. — У него были ногти на руках, да и кожа чистая, без единого изъяна. Помню, он положил мне руку на плечо, рукав задрался, и я успел заметить предплечье. Никаких шрамов.

А ведь во время допроса Кэндзяку упоминал обратное. Да и Сатору божился, что тело Харе покрыто глубокими, незаживающими ранами.

— Значит... — Сугуру забрал телефон и переглянулся с другом. В их глазах читалась одна и та же догадка. — Существует два Харе.

Яга немного помолчал, обдумывая эту мысль, а затем медленно кивнул:

— Похоже на то.

— Тогда всё сходится, — подытожил Сатору. — Слова того парня, которого вы встретили, насчёт «остального» означают лишь одно: он сам намерен разобраться со своим двойником, о котором твердил Кэндзяку.

Годжо шутливо прикусил кончик языка и скривился:

— Тьфу, запутаться можно! Прямо скороговорка какая-то.

Сатору-то веселился, но Яге было не до смеха. За стеной, в лектории, обстановка накалялась с каждой секундой. До них доносились яростные крики: собравшиеся требовали немедленно запечатать Сукуну и объявить охоту на Харе.

— Как бы то ни было, он уничтожил всё руководство, — строго оборвал ученика директор. — Мы не знаем, друг он нам или враг. Сатору, какова позиция клана Годжо?

Вместо ответа Сатору повернулся к стоявшему рядом другу:

— Сугуру, а ты что скажешь?

Сам он решение уже принял, но мнение Гето всегда оставалось для него решающим.

Сугуру молча разглядывал пылинки, кружащиеся в косом солнечном луче на полу. Немного подумав, он тихо вздохнул:

— Сатору... Наверное, я... Мне кажется, этот Харе — не чудовище. Да, он совершил ужасное, но...

Гето не находил нужных слов. В груди щемило от странной, необъяснимой жалости. Подсознание упрямо твердило, что этот мальчик им не чужой. В последнее время в памяти Сугуру то и дело всплывали обрывки воспоминаний, которых просто не могло быть: вот они с Сатору сидят на уроках, а рядом — застенчивый Харе, который вечно умоляет помочь ему с домашним заданием...

— Ха-ха, я так и знал, что мы думаем об одном и том же! — весело воскликнул Сатору.

Он бесцеремонно сгрёб друга в охапку, приобняв за плечи, и шутливо встряхнул. От этого пара прядей вечной чёлки Сугуру зацепилась за пуговицу на куртке Годжо.

Заметив выразительный взгляд Яги, Гето смутился. Слегка покраснев, он аккуратно высвободился и поправил волосы.

Сатору отпустил его как ни в чём не бывало и, сверкнув небесной синевой глаз, вальяжно махнул рукой:

— Ну всё, мне пора на плаху. Сугуру, более за меня!

Он задорно подмигнул, заставив друга обречённо улыбнуться, и зашагал к выходу.

Тяжёлые створки распахнулись. Великий наследник клана Годжо, небрежно сунув руки в карманы брюк, неторопливо вошёл в лекторий. Растрёпанная белая шевелюра ярко выделялась на фоне тёмных стен.

С его появлением гул в зале мгновенно стих.

— Явился наконец, — нарушил тишину глава клана Дзэнъин, с раздражением глядя на этого невыносимо заносчивого мальчишку. — Мы тут как раз пришли к согласию. Сукуну необходимо запечатать, а проклинателя по имени Харе — приговорить к смерти. Раз уж ты представляешь здесь клан Годжо, изволь высказать своё мнение.

Сатору небрежно облокотился на спинку своего кресла и, прищурившись, выдал:

— Насчёт запечатывания Сукуны я согласен. А вот против казни Харе категорически возражаю.

Зал буквально взорвался возмущёнными криками. Старейшины, сидевшие напротив, побагровели от злости.

— Что это значит?! Ты выгораживаешь убийцу?! Как после этого смотреть в глаза родственникам погибших?!

— Сначала вы упустили Звёздный Сосуд, чуть не сорвав слияние с госпожой Тэнгэн! За это вас ещё не призвали к ответу, и тут же происходит новое преступление! Клан Годжо заодно с раскольниками?!

— Вот именно! Какое безумие — отпускать на волю чудовище! Мальчишка совсем потерял берега от вседозволенности!

Обвинения сыпались со всех сторон, но Сатору лишь шире улыбался.

— Полно вам, кто говорит об амнистии? — протянул он дурашливым тоном. — Разве старейшин вырезал не Рёмэн Сукуна? Охотьтесь на него сколько влезет, я только за! Двумя руками поддерживаю! Можете выносить ему хоть сотню смертных приговоров, мне плевать.

— Да как ты смеешь!.. — задохнулся от ярости кто-то из Дзэнъинов.

Возразить было нечего. Эксперты уже осмотрели руины: характерные разрезы не оставляли сомнений — работал лично Король проклятий.

— Но Сукуна действовал по чужой указке! Его призвали! — выкрикнул один из старейшин мелкого клана. Сражаться с древним божеством никому не хотелось, а вот отыгаться на каком-то мальчишке казалось безопасным.

Сатору негромко хмыкнул. Его взгляд, холодный и пронзительный, медленно скользнул по лицам присутствующих:

— Если бы Сукуна послушно выполнял чьи-то приказы, вы бы его так не боялись.

Будь это так, эти лицемеры сами расшибли бы лбы, пытаясь прибрать такое грозное оружие к рукам.

В зале воцарилась тишина.

Сатору поднялся с места, одарив собрание лучезарной улыбкой:

— Короче говоря, делом Харе займётся наш клан. Просить о помощи не надо, и соваться туда тайком — тоже. А то ведь могу и побить, потом не жалуйтесь... Ха-ха, шучу, конечно! Бывайте!

Он небрежно покинул зал. Молчание старейшин стало удушающим. Лишь за окном, в знойном мареве летнего дня, неистово и надрывно звенели цикады.

Под этот монотонный стрёкот в тишине приморского домика Сукуна бережно уложил Харе на циновку и потянул за края его кимоно.

Некогда безупречное, белое, словно дорогой фарфор, тело теперь было сплошь покрыто ужасными ранами — изорвано, исполосовано, будто лишилось лоскутов кожи. Сукуна взял юношу за руку: на тонких пальцах не осталось даже ногтей. Вид обнажённого мяса заставил бы любого содрогнуться от жалости.

Сукуна нахмурился. Прижав ладонь к груди Харе, он активировал Обратную проклятую технику. Однако целебная энергия ушла в пустоту — раны даже не затянулись.

Недоумевая, демон убрал руку. И вдруг вспомнил, как именно Харе восстанавливает силы. Ему нужна была проклятая энергия.

Не раздумывая больше ни секунды, Сукуна до крови прикусил кончик собственного языка. Наклонившись к бледному лицу юноши, он мягко приподнял его подбородок и прижался к его губам в глубоком поцелуе.

<http://bllate.org/book/19043/2005271>